

Глава 60: Демонический питомец-лис могущественного евнуха

— Ты говоришь о мести, но я не вижу в тебе ни тени спешки. Если наш договор затянется на восемь или десять лет — неужто ты так и будешь смиренно ждать?

Пэй До никогда раньше не встречал подобных существ, будь то люди или демоны. Обычный оборотень, лишившись половины сердца, либо забился бы в самую глухую нору, либо неистово рвался бы в бой до последнего вздоха. Даже человек, потеряв нечто столь ценное, лишился бы сна и покоя, одержимый жаждой возврата.

Но этот лисенок казался на удивление беспечным. В его поведении не было ни капли того напряжения, которое свойственно смертельно раненым или слабым созданиям, чья жизнь висит на волоске. Любой другой раб или дух, с которым Директор заключил бы контракт, рассыпался бы в благодарностях за крупицу его силы, стремясь как можно скорее окрепнуть.

Он взглянул на лениво развалившегося фиолетового зверя и с силой помял его мягкое брюшко.

«Может, страсть к праздности — это общая черта всех лис?»

— Десять лет? Так быстро? — с искренним восторгом переспросил Лин Чжи.

Его пушистый хвост обвился вокруг запястья Пэй До, словно живой фиолетовый браслет. Мужчина посмотрел на него с нескрываемым изумлением. Даже он не ожидал, что лис раз за разом будет давать ответы, которые невозможно предугадать.

Неужели Лин Чжи с самого начала готовился ждать десятилетиями?

Эта мысль казалась нелепой, но, поразмыслив, Пэй До нашел её вполне логичной. Для людей жизнь демонов непостижимо длинна. Этот лис совершенствовался сотню лет и всё ещё считался юнцом — что для него значат какие-то десять лет?

У людей же всё иначе: за десять лет дитя превращается в юношу, ещё через двадцать — достигает зрелости, и мало кто доживает до векового юбилея. К семидесяти или восьмидесяти годам человек превращается в трухлявое дерево, одной ногой стоящее в могиле.

Он считал себя знатоком человеческих душ, но разум этого лисенка оставался для него загадкой. Пэй До то и дело забывал, что демон — это всегда демон, и мерить его людскими мерками бессмысленно.

— Похоже, ты совсем не ненавидишь тех, кто тебя предал. Живешь в свое удовольствие, пока твоё сердце носит кто-то другой.

Директор коснулся пальцем груди Лин Чжи, прямо над тем местом, где должно было биться сердце. Он больше не заговаривал о сроках. Ему не нужны были годы — хватило бы и нескольких месяцев на подготовку.

Он не мог просто так отправиться в Город У за лисьим сердцем. Судя по рассказам зверька и его собственным сведениям, в том городе было слишком много нечисти; необдуманная вылазка могла обернуться катастрофой. К тому же сановник давно планировал прибрать Город У к рукам, а раз так — к войне следовало готовиться основательно, чтобы не допустить смуты внутри страны во время похода.

— Ненависть бесполезна. То, что случилось, уже произошло, и сейчас я не в силах ничего вернуть. Но когда ко мне вернется сила, я непременно сожру этого зимородка. Как она посмела меня обмануть! — Лин Чжи выпустил когти и пару раз полоснул ими воздух, но тут же уныло добавил: — А пока мне остается только заливать раны и тренироваться.

Лисенок забавно завращал глазами, и в его печальном вздохе промелькнуло лукавство:

— Впрочем, теперь со мной господин Директор. Я верю, что вы всё уладите. Если уж великий глава Департамента по подавлению демонов не сможет вернуть моё сердце, тогда мне только и останется, что пойти кому-нибудь на воротник.

Пэй До прекрасно видел, что лис просто льстит ему. Случись что не так — этот проныра сбежит быстрее ветра. Неужели он станет покорно ждать, пока его живьем обдерут?

— Не беспокойся, — мягко отозвался Пэй До. — Даже если из твоей шкурки сделают шубу, она наверняка станет самой дорогой и желанной драгоценностью в мире.

Увидев, что лисенок опешил и замолчал, мужчина негромко вздохнул. Он продолжал поглаживать мягкий мех, и в его светло-карих глазах сгустилась непроглядная тьма.

— Не бойся. Ты мой первый домашний демон, к тому же такой милый и забавный. Я буду помнить о тебе и не позволю другим причинить тебе вред.

Но если настанет день, когда Пэй До окажется прижат к стене, а лис проявит неверность или коварство — он лично снимет с него шкуру. Он никогда не доверит это дело чужим рукам.

Изящное лицо Директора хранило безмятежное спокойствие, подобное бездонному ночному небу. Его бледные пальцы ласково, почти с любовью, скользили вдоль позвоночника зверя.

Лин Чжи внезапно почувствовал могильный холод. Ему показалось, что по спине его водит не человеческая рука, а лезвие остро заточенного ножа. От этого чувства опасности его тело работало на инстинктах — мышцы мгновенно одеревенели.

Тот слегка приподнял бровь. Он не ожидал, что этот беспечный лис уловит столь тонкую перемену в его настроении. Всё-таки чувства демонов куда острее человеческих; они способны учуять запах угрозы задолго до удара.

— Благодарю, господин, — прозвучал нежный юношеский голос, чистый и мелодичный.

Пэй До ощутил легкое колебание магической силы, и тело лисенка в его руках вдруг обмякло.

Лин Чжи применил технику успокоения духа на самого себя. Директор не удержался от короткого смеха.

«Интересно. До чего же интересно»

Он поднял лисенка перед собой. Тот выглядел слегка растерянным, его хвост мерно покачивался в воздухе, а фиолетовые глаза бегали из стороны в сторону, упорно избегая встречного взгляда.

В лучах солнца блестящая шерстка зверя словно светилась изнутри, а на животе стали отчетливее видны едва заметные красноватые узоры. Взглянув чуть ниже, Пэй До заметил под мехом небольшую выпуклость и пару округлых «бубенцов».

Больше не дразня его, он снова прижал лиса к груди.

— Хочешь взглянуть на императорский дворец? — спросил он, мерно поглаживая зверя по спине.

Лин Чжи положил лапки на плечо Пэй До и с любопытством спросил:

— А там есть что-нибудь интересное?

Его интересовал не столько сам дворец, сколько расстановка сил: кто стоит за Пэй До, а кто против него. Знание — это сила, и юноша не собирался вечно оставаться просто изнеженным питомцем. Быть хрупким вьюнком — не в его характере. Ему больше по душе роль хищной лианы, которая сначала опутывает жертву, а затем заставляет её саму искать гибели в своих объятиях.

Заставить такого человека, как Пэй До, поступить так же — вот это была бы игра. От одной этой мысли сердце Лин Чжи отозвалось короткой вспышкой боли. Ничего не поделаешь — с половиной сердца любая сильная эмоция приносила физическое страдание.

— Интересное... — тихо повторил сановник, словно пытаясь что-то вспомнить. — Пожалуй, ничего особенного.

— А дворец большой? Больше этого поместья?

— О, он куда больше этого двора.

— Тогда я хочу пойти! — Лин Чжи тут же добавил, стараясь подлизаться: — Я хочу быть рядом с господином.

Пэй До прекрасно понимал, что зверьку просто надоело сидеть в четырех стенах. Горному жителю, привыкшему к бескрайним просторам, невыносимо скучно в тесном поместье. Эта попытка польстить была грубоватой, но, исходя от лиса-оборотня, она всё равно звучала приятно.

— Тогда идем. Но помни: внутри ты не должен выдавать своей сути. Если кто-то услышит, как лис говорит по-человечески, бедняги помрут от страха.

Лин Чжи послушно кивнул.

Пэй До переоделся в парадное красно-пурпурное облачение евнуха и, подхватив лиса, вошел в длинный потайной ход. В конце туннеля их ждал выход за массивным книжным шкафом. Лин Чжи с интересом вертел головой, осматривая новое место.

Вскоре он понял, зачем Директор взял его с собой.

Шум и крики, доносившиеся из императорского кабинета, заставили бы разболеться даже здоровую голову, что уж говорить о Пэй До, который и так страдал от хронических болей. Если бы он действительно сорвался и потерял контроль от мучений, в этой комнате не осталось бы никого живого — кровь залила бы порог и даже выплеснулась наружу.

Гражданские чиновники спорили так неистово, что брызги слюны летели во все стороны. Каждый пытался перекричать соседа. Речь шла о великой засухе в области Ичжоу. Этим летом жара стояла небывалая, и в знойном Ичжоу во многих местах начался голод: посевы выгорели, еды не хватало, и толпы беженцев потянулись в соседние края.

Одни считали, что соседние области должны распахнуть ворота и принять всех нуждающихся. Те же, кто стоял за главами этих земель, возражали: помощь — это одно, но пускать толпы бродяг — совсем другое. Они обвиняли оппонентов в том, что те лишь красиво болтают ради похвалы императора, не неся никакой ответственности за последствия.

Другие предлагали выделить средства из казны, но тут же получали язвительные замечания о том, в чьих карманах эти деньги осядут. Спор превратился в сплошной хаос — никто не хотел уступить, и никто не знал, как на самом деле решить проблему нехватки зерна.

Император, помрачнев, с силой ударил по столу, и в кабинете мгновенно воцарилась тишина.

Лин Чжи почувствовал, как вокруг Пэй До сгущается черная дымка. Поняв, что у того снова начался приступ боли, он тут же применил технику успокоения духа, стараясь облегчить его муки. Директор не шелохнулся, но рука, поглаживающая лиса, стала двигаться чуть мягче.

В конце концов император принял решение: обязать соседние области подготовить всё необходимое для помощи беженцам и отправить чиновников для надзора за распределением средств. Когда он закончил, никто из вельмож не проронил ни слова. Многие украдкой поглядывали на великого евнуха, сидевшего по правую руку от монарха.

Облаченный в пурпурное платье сановник сидел с полуприкрытыми глазами, лениво поглаживая фиолетового лиса на коленях. На фоне темного резного кресла из сандала его кожа казалась мертвенно-бледной.

Никто не знал, что на уме у Пэй До. С самого начала совета он сидел молча, не проронив ни слова, словно дремал. Так было всегда: все ждали, когда он скажет своё последнее слово.

Император видел эти взгляды и невольно сжал кулаки. Этот трон казался ему пустой декорацией. В глазах этих собак даже кресло, на котором сидел его противник, сияло ярче золота.

Монарх с трудом сдерживал ярость. В том, что всё пришло к этому, была и его вина. В прошлые годы он точно так же заискивающе смотрел на Директора, ожидая его решения. Теперь же он действовал от отчаяния, втайне пытаясь состязаться с ним. «Я — император, — думал он. — Пусть Пэй До попробует меня убить, если посмеет».

Но тот даже не замечал этих мелких уколов, словно правитель был лишь капризным ребенком. Это злило монарха еще больше, но поделать он ничего не мог.

— Все высказались? Есть ли еще у кого-нибудь из господ дельные предложения?

Пэй До открыл глаза и обвел взглядом министров. Его голос звучал так, будто он завел светскую беседу.

Никто не ответил. Все понимали: их пылкие речи и напускной гнев были предназначены лишь для ушей Директора. Они ждали, кого он решит возвысить, а кого — растоптать.

— Раз предложений больше нет, на том и закончим. Следуйте воле Его Величества.

Стоило Пэй До произнести это, как чиновники принялись наперебой славить мудрость императора, после чего поспешно откланялись.

«Старый лис»

Именно это молчание Пэй До заставляло сердца вельмож трепетать. Сейчас они наверняка гадают, не лягнули ли чего лишнего, и не был ли тот, кто подначивал их к спору, его человеком. Лин Чжи же видел: у сановника уже давно созрел свой план.

Вскоре кабинет опустел. Император взглянул на лиса и произнес:

— Фиолетовый лис... Впервые вижу такого. Шуфэй в последнее время всё просит у меня лисью шубу. Смотри, не попадись ей на глаза, а то она заставит меня просить тебя об этой услуге.

Монарх говорил шутливым тоном, но в его словах сквозил яд, направленный одновременно против Шуфэй и Пэй До.

Матерью Шуфэй была женщина из клана Пэй. В начале своего правления правитель, стремясь втереться в доверие к Директору и удержать призрачную власть, по наущению самого же Пэй До осыпал её милостями. Теперь она была разбалована до крайности, став первой среди наложниц, что вызывало ярость у сил, стоявших за императрицей, и вбивало клин между ними и Директором.

— Пурпурный цвет слишком вызывающ, — небрежно отозвался Пэй До. — Боюсь, госпожа Шуфэй не сможет его нести.

<http://bllate.org/book/15821/1441827>